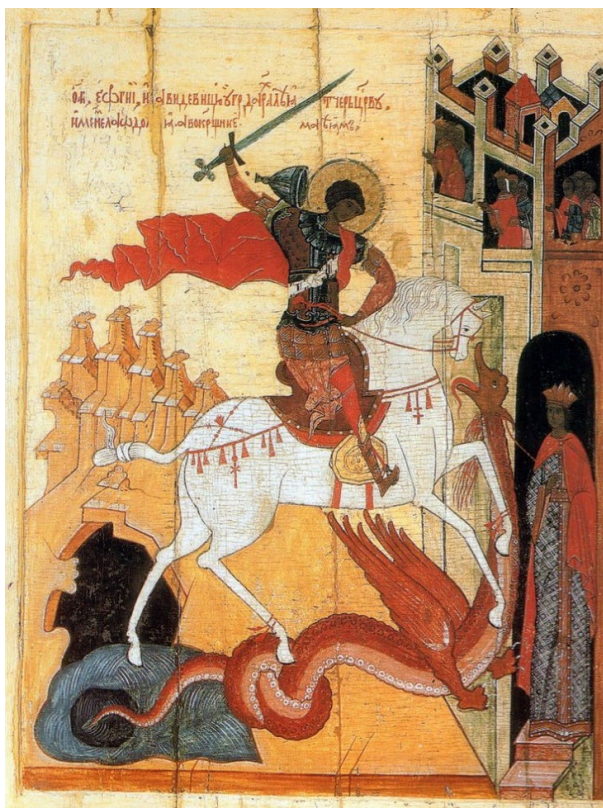

УСЛОЖНЕНИЕ ОБРАЗА ПОВЕРХНОСТЬЮ ВРЕМЕНИ

Не станем помышлять о том, что нам удалось разобрать как – либо исчерпывающе хотя бы основные иконографические типы изображения Чуда святого Георгия о змие. Но отметим, изнемогая перед нарастающим избытком оттенков значений и смыслов этого образа, что нарастание это можно понять, как трансформирование сокровенного и несказуемого - во внешнюю филигранность и усложнённость изобразительных форм. Усложнение иконографии как бы выводит образ из области символа в область знака – значения. Образ – символ, изводящий через видимое в предощущаемое невидимое – понимаем, как апелляцию к чувственной, эмоциональной, душевной восприимчивости человека. Символ обращается к той человеческой области, где едва ли внятно прослеживаются области соприкосновения, взаимного проникновения и различия душевного и духовного составов. Символ становится посредником, проводником в невидимое, открывает возможность глубинного сущностного проникновения и усвоения человеком – открывающегося Бога. Можно бы сказать, что символизм – есть некое окно катафатического Богопознания, способ восприятия преподносимого Богом человеку и выражения воспринятого. В этом ключе и толкование, экзегезу производящее смысла из символа мы можем понимать как продвижение человека вслед за символом по мере его раскрытия – в глубь образа, к Первообразу – Богу. Столь же верно, как видится, допустить экзегезу символа, как некое обратное движение Бога – к человеку, как проявление принятия, осмысления человеком изливающегося ему прообразовательного смысла из вне тварного мира. Как видится, встречное движение Бога и человека неизменно и взаимно, а посредником здесь, областью встречи, надёжной и безопасной, обиходно благочестивой – символ, в данном случае, символ изображённый.

Знак же – понимаем это так - обращён более к логическому отождествлению и возможно точному уразумению означенного. Допускаем известную условность разделения правого и левого в психофизической деятельности воспринимающего человека и не станем углубляться в эти сферы. Но, тем не менее, именно в различие символа и знака можем вместить это видимое изменение иконографии образа. Быть может, следуя высказанному пониманию, узнаём и как-то более объясняем для себя наблюдаемые усложнения сюжета, появляющиеся обильные смысловые акценты, подчёркнутую логическую филигранность, смешанную с некоторой, всё более значимой, декоративностью изображаемого, возрастающую перегруженность образным «текстом». Возникает такое впечатление, будто бы образ пытается вербализоваться знаком и не столько вовлекает, изводит предстоящего человека в своё пространство, но будто сам стремится активно высказываться. Символизм, как он понимается нами, если не выхолащивается из изображения, то будто исчерпывается мало по малу. Образ не ведёт за собой, но воздействует, но про-изливается из себя вовне. Икона словно выговаривается и стремится произнести своё содержимое вовне - полностью, без остатка. Знак и означенность изображения уже не уводит в неведомую сущностную глубину, но более блуждает на поверхности. Отражает прихотливой вязью про-износимых смыслов окружающее пространство, распространённое вне образа. В перегруженности форм если не исчерпывается, то почти не затрагивается сокровенное, рассеивается и внимание человека к сосредоточенному восприятию. Но в этом же - усмотрим и некоторое закрытие образа к личному проникновению человека в области прообразуемого. Привлекая не вполне точные аллюзии можно бы высказаться о том, что будто соскальзывает здесь поэзия иконы в «прозу презренную».

Каким видится это изменение вприведённых выше иконах, которые относятся к некоторому промежуточному состоянию, к периоду 16 века - самого начала движения к отдалению иконного знака от символических глубин? После внимательного обращения к более древним образам совершенно наглядно обнаруживаем появление многофигурных композиций, изящных прорисовок фона, нюансировки деталей, как, например, извивистого тела змиева, появление пространственных текстовых надписаний. Это бывает очень красивым и достойным почтительного внимания, но, повторимся, что композиционный стаффаж

видится, как явный признак символического опустошения. «Ложь изреченной мысли...»? Что касается символа и экзегезы его, то смеем утверждать, будто невысказанное может оказаться ближе к полноте, отнюдь, не всегда полноте «благого мычания». Мысль проговариваемая, выговариваемая вовне, пусть даже изливаемая на языке иконы богословием в красках «от полноты сердца» может быть подобна струе блестящей, искрящейся – от влаги, истекающей меж пальцев наполненной ладони, вознесённой к солнцу. Красиво про-истекает влага и пустеют ладони, не в силах более ни напоить жжаждущего, ни отразить неба на поверхности вод.

В иконном изображении проявляются замысловатые знаки - указания, быть может, слишком уж связанные с местом, временем и реальным событием. И образ будто отделяется в связанности миром от вневременного и неотмирного «говорения», будто забывает свой истинный язык. Вот: змей пронзаемый гонится за убегающим человеком, взбирающимся на городскую стену по лестнице, жалит змей конское копыто, будто погружаемое в змиеву пасть. Вот и сюжеты усекновения главы дракона – змия. Вспоминаем по житию о сцене умерщвления змия внутри стен города. Здесь же изображена – казнь дракона - вне стен. Вспомним, что в традициях древнего Рима исполнение казни осуществлялось за границей городских стен. Так был казнён и Спаситель. По житию святого Георгия умерщвление змия состоялось именно внутри жилища - человеческой среды обитания, внутри городских стен. Между тем на ранних – древних изображениях мы вообще не встречаем сюжета умерщвления змия, но противоборство, одоление – описанные нами прежде. Иным, в том числе и древним, вариантом изображения встречаем образ торжественного ведение побеждённого змия в город на поясе Елисавы – образ триумфа над одолённым злом. Мы ещё рассмотрим некоторые примеры этого иконографического варианта. Змий в изображении триумфа вводится в город, чтобы быть убитому там. И образ борения со змием святого Георгия – прообраза Спасителя – также к торжеству окончательного одоления змия Богом. Но не событие убиения змия традиционно отражается в иконе. Попробуем высказаться об этом далее в своём месте перед соответствующими изображениями. Поздняя иконография противоборства произносит иное толкование, преподносит нам композицию усекновения мечём - главы змия. Понимаем, что именно усекновение главы означает абсолютное прекращение физического и сущностного бытия. То есть, если усекается глава иконографического змея – это следует понимать, как символ физического и духовного прекращения противоборства по причине исчезновения, исчерпания объекта противоборства – самой природы зла, что, конечно же, не соответствует трактовке православного мировоззрения. Более того, по учению святых отцов это и является желанной целью врага Божиего и губителя человеков – убедить всех во мнимом своём истощании, исчезновении, бессилии, отсутствии. По текстам Священного Писания и преданию церкви миру не предлежит время тысячелетнего без-бедного существования вне схватки со змием не на жизнь, но на смерть. Утверждения обратного относят к иудейской ереси хилиазма о тысячелетнем царстве благоденствия. И умерщвление змия в этой нескончаемой схватке – не дело рук человеческих, противоборствующих до скончания века. Сам Господь, явившийся во Втором преславном пришествии - усечёт зло мечём Своим, могучим и крепким – левиафана, не изменяющего нрава своего. Господь не станет подигрывая змию, по правилам Своего врага, делать вид, что его нет, не станет «играть с ним, как с птицей, связывать его...» но властно наложит на него руку Свою, как и говорил во время оно Господь – Господу. Милость Божья не проникнет внутрь дьявола, не взломает его необратимой воли, не нарушит силой его свободы. Дух Божий не проникнет вглубь него, в физическое ли – духовное тело. Червь шеола – живой, ядящий землю, изрыгающий своим фактом бытия поругание земле будет уничтожен самим Господом. А прежде того – в неизбывном проклятии змия – не поднимать от земли главы своей, есть землю и ползать на персях, ходить на чреве – он продолжит неотступно хулить Бога, губить человеков и извиваться в смертельной схватке с отважными противоборцами, с одолевающими святыми Победоносцами, святой Георгий – ликовствует в сонме их.

В приведённых образцах более поздней иконографии – видим, как возвышается змиева глава на конскую голову, будто столп горделивый, - поднятая к усекновению, уподоблена размерами и расположением фигуре царевны. Здесь ли изображена последняя схватка Спасителя, умерщвляющего левиафана? Не на поверхности этот смысл, не внятно такое его прочтение. У всадника с мечём изображён падающий шлем. Что за этим символом? Как распознать ныне? И снова горки, чудесно играющие светом вокруг умерщвляемого змия, многочисленные многоцветные строения града, множество мелких фигур, несущих свои состояния, оттенки эмоций и смыслов. Сиятельная лестница восхождения в город – лестница Иакова, Лестница горы Синайской... не прозрачен и замысловат знак удалённый. Вот высокое крыльцо проникновения в город, - так может изображаться и путь восшествия в Храм на иконе Сретения, но здесь – чёрный проём за фигурой царевны Елисавы.

Или вот: два симметричных сектора – мандорла с благословляющим Господом, передающим венец победителя ангелу, - разворачивающаяся динамика передачи Богом венца ангелу, - а внизу – практически того же цветового решения – обители змиево. Фигура всадника удаляется от благословляющего жеста, фигура змия в том же направлении – движется из норы своей. Движение всадника и змия устремлены к стенам города, перед которыми, на виду у вышедших жителей, пронзается голова чудовища.

Это ли образы времён осуществившегося русского царства? Царства, завершённого радостью обретения Русью Грозного врагам Государя. Уравновешена красотой радость свершающегося, чаемого величия. Что грядёт во след этой обрётённой полноте? Благодать торжествующего пребывания? Исторический сбитый ряд непрекращающихся войн и нестроений искореняемых – не позволяют помыслить так. Но царство – обретено и повержен враг разобщения, изъедающий Русь изнутри, – быть может и так истолкуем изображение змия, убиенного за стенами града. Как распознать было изографу времён усиливающейся царской несокрушимости, нарастающего величия Москвы, наливающейся землями, лепотою и силой... грядущую смуту новых исязаний, позора, нашествий, одолений, унижения Руси... и новых восстановлений милостию Господней. Мы станем далее в меру сил, пусть не слишком уж детально, - рассматривать образцы последующей во времени трансформации иконографического символа противоборства в иконографии Чуда о змие, кратко исследовать кенозис образа Божиего в области реалистической живописи, нумизматического знака и геральдики... не сможем проследовать мимо них, отделяясь краткими замечаниями постороннего.

А прежде – оглянемся ещё и ещё на замечательные образы, которым прилежим в этом очерке. Оглянемся, не ощущая в себе сил запросто уйти от них. Исчерпывается символ, но царит над усиливающимися знаками – красота исцеляющая, восполняющая растрчиваемое содержимое символа. Грациозно парит конь, развевается плащ святого, сияет и произливается радостью гармония композиции, света и цвета. Увлекают сиятельные горки и пробуждают неотступное желание осторожно коснуться их мысленными стопами своего недоуменного восхождения. Не имеем нынче поводырей ни слепых, ни зрячих, – доверимся образу, как спутнику неложному, - не изведёт он за собой, пусть и оскудевая глубинами символической полноты, в яму погибельную. Радует красоте распахнутой, откровенной, торжествующей – и шествуем к ней, да во след её несомненно, и сокрушаемся искренне невозможностью утешительно прильнуть к изображённому здесь и челом своим, и устами.